

МЕСТО АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА

ВЛАДА БИЛИНКЯВИЧЕНЕ

Аналитические конструкции уже издавна привлекают внимание зарубежных и советских лингвистов, так как по структуре они напоминают словосочетания, а по функции — слова, и даже невозможно перечислить огромную литературу, посвященную этой проблеме.

В специальной литературе можно найти различные формулировки аналитической конструкции [Гухман, 1955; Смирницкий, 1956; Аналитические, 1965, с. 7, 75, 81, 121, 143]. И все-таки многие исследователи единодушны в том, что аналитическая конструкция — это сочетание служебного (частичного, вспомогательного) и знаменательного (полного, полнозначного) слова, способного быть включенным в качестве формы знаменательного слова в систему формообразования (т. е. парадигму) последнего.

По своему составу и значению аналитические конструкции разнообразны. Наиболее важное место в языке принадлежит глагольным аналитическим конструкциям, так как, по словам французского лингвиста Ш. Балли, „вся грамматика в целом заключена в глаголе” [Балли, 1955].

Изучаемые нами аналитические конструкции состоят из двух компонентов: вспомогательного глагола и причастия. Напр.: в литовском языке *esu matęs*, во французском — *j'ai vu; jis yra išvykęs — il est parti* и др.

Все исследователи единодушно признают, что подобные сочетания слов — это глагольные аналитические конструкции. Но в лингвистике часты спорные случаи относительно аналитических конструкций.

Дискуссионным является вопрос, к какому языковому уровню отнести глагольные аналитические конструкции — синтаксическому или морфологическому. По мнению многих лингвистов, они включены в морфологические оппозиции и с простыми (синтетическими) формами составляют словоизменительную парадигму. Однако если грамматикализация языка не завершилась, они относятся к системе синтаксиса.

Нет единогласия также и в том, представляют ли аналитические конструкции формы слова или словосочетания. Так как по мнению многих лингвистов аналитические конструкции отнесены к морфологическому уровню, очевидно, они представляют собой формы слова.

Как уже говорилось, первый компонент конструкции – вспомогательный глагол. Вспомогательность – это функция, обусловленная отчасти дистрибуцией, в которой встречается тот или другой глагол. Это означает, что глагол выполняет вспомогательную функцию лишь тогда, когда он сочетается со словесными единицами определенного класса. Утверждение о том, что вспомогательность – это позиционно обусловленное языковое явление, не означает, однако, что любой глагол может встречаться в таком окружении и, следовательно, выполнять данную функцию. Для того чтобы глагол мог употребляться в этом качестве, к нему предъявляются, помимо требований позиционного характера, еще и другие не менее важные требования, относящиеся прежде всего к лексическому значению глагольной единицы. В связи с этим возникает вопрос, какие же глаголы могут выполнять вспомогательную функцию. На этот вопрос многие исследователи отвечают единогласно, что только грамматикализованные глаголы, т. е. глаголы, которые в определенных сочетаниях способны освободиться в той или иной степени от своего конкретного лексического значения и выступать в качестве носителей, главным образом, грамматических значений всего сочетания [Darnourette, 1911].

Как известно, среди лингвистов нет единства во взглядах относительно роли вспомогательного глагола в аналитической конструкции. Некоторые из них утверждают, что вспомогательный глагол следует рассматривать как морфему [Вандриес, 1937; Теньер, 1939; Guillaume, 1939, 1973 и др.]. Другие считают, что вспомогательный глагол представляет собой слово. Но слово особого рода, грамматикализованное, отличное от знаменательного [Жирмунский – Аналитические, 1965; Серебrenников – Аналитические, 1965; Paulauskienė, 1979; Бархударов, 1965 и др.].

По мнению Серебrenникова, служебные слова в известной мере могут выполнять функцию морфем, но и непропорционально говорить об их абсолютной функциональной эквивалентности.

Нельзя вспомогательный глагол считать морфемой, так как он обладает структурными признаками, характерными для самостоятельных слов (лицо, число, время, наклонение). Более того, морфема является нечленимой языковой единицей, а вспомогательный глагол делится на морфемы.

Второй компонент аналитической конструкции – причастие.

Среди лингвистов нет единодушия в вопросе о том, к какому классу слов следует отнести причастие, так как оно имеет глагольную основу, сохранившую значение процессуальности и грамматические категории имени прилагательного. Некоторые лингвисты считают, что причастие занимает «неустойчивое положение в системе частей речи» [Бахарев, 1972, с. 11], другие – что прилагательность, адъективность – постоянный атрибут причастия, а глагольность – непостоянный, последняя может быть выражена у причастия в той или иной степени, но никогда в той, в какой она присуща глаголу [Иванникова, 1974, с. 300].

В последнее время французские лингвисты склоняются к мнению считать причастие прошедшего времени подклассом прилагательных. Это мнение основано на том, что упомянутые прилагательные и причастия прошедшего времени имеют тождественные дистрибуции [Dubois, 1964, p. 11–12; Stefanini, 1962, p. 101; Togeby, 1951, p. 241; Wagner, 1962, p. 313–314].

Причастие может выполнять атрибутивную, атрибутивно-предикативную и предикативную функцию. Некоторые лингвисты считают, что атрибутивная функция причастия является первичной, а предикативная – вторичной [Курилович, 1962, с. 62].

Во французском языке причастие выполняет предикативную функцию только в сочетании со вспомогательным глаголом. Напр.: *Il est resté à la bibliothèque.*

Однако можно указать на случаи в литовском языке, когда эта функция выполняется одним причастием (*modus relativus*), играющим в предложении роль сказуемого [Lietuvių, 1971, p. 58–59]. Напр.: *Sako, kad daug žinaš.*

Литовский язык обладает специальной грамматической формой – предикативным причастием без вспомогательного глагола. Данную функцию литовского причастия следует считать синтаксической, поскольку причастие не имеет формального показателя наклонений.

Несмотря на возможность одиночного причастия в определенных синтаксических условиях выступать в роли сказуемого, в нейтральных случаях и в литовском языке причастие выполняет предикативную функцию только при помощи спрягаемого глагола, морфологически выражающего категории предикации – модальность, лицо и время. Выполняя свою денотативную функцию, причастие указывает на лексическое значение глагольной основы, но не имеет морфологических показателей предикации. Вспомогательный глагол не обладает лексическим значением, но является морфологическим показателем предикации. И только в сочетании причастия со вспомогательным глаголом лексическое значение причастия словно вторичным способом соединяется с категориальными свойствами модальности, времени и лица, характерными для спрягаемых глаголов. Время вспомогательного глагола не совпадает со временем причастия, и таким способом образуется аналитическая конструкция, обладающая временным значением двух плоскостей. Так как аналитические конструкции охватывают все или большинство глаголов и их грамматическое значение соответственно соотносится со значением простых форм (*jis yra pasakęs – jis pasakė; il a dit – il dit, esu skaitęs – skaičiau; j'ai lu – je lus*), по мнению исследователей аналитических конструкций, они могут быть включены в глагольную парадигму спряжения.

ANALITINIŲ KONSTRUKCIJŲ VIETA VEIKSMAŽODŽIO SISTEMOJE

V. BILINKEVIČIENĖ

Rezumė

Pagalbiniis veiksmažodžiai, desemantizuotas tiek lietuvių, tiek prancūzų kalboje, su dalyviu sudaro analitinę konstrukciją, pagal struktūrą primenančią žodžių junginį o pagal funkciją — žodį. Veiksmažodinės analitinės konstrukcijos įeina į morfologines opozicijas ir su paprastomis (sintetinėmis) formomis sudaro žodžių kaitbos paradigmą.

PLACE DES CONSTRUCTIONS ANALYTIQUES DANS LE SYSTÈME VERBAL

V. BILINKEVIČIENĖ

Résumé

Le verbe auxiliaire, déséminentisé en lituanien ainsi qu'en français, avec le participe passé forme une construction analytique pareille au groupe de mots d'après sa structure et au mot d'après sa fonction. Les constructions analytiques verbales entrent en oppositions morphologiques et elles forment le paradigme de variation du mot avec les formes synthétiques.

ЛИТЕРАТУРА

Аналитические, 1965 — Аналитические конструкции в языках различных типов / Отв. ред. Жирмунский В. М. М.; Л., 1965.

Балли, 1955 — Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Бархударов, 1965 — Бархударов Л. С. К вопросу о служебных словах // Ин. яз. в школе. 1965. № 6.

Бахарев, 1972 — Бахарев А. И. Адъективации причастий в историко-теоретическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972.

Вандрес, 1937 — Вандрес Ж. Язык. М., 1937.

Гухман, 1955 — Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного строя // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Иванникова, 1974 — Иванникова Е. А. О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

Курилович, 1962 — Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Смирницкий, 1956 — Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Ambrazas, 1977 — Ambrazas V. Netiesioginės nuosakos (modus relativus) paplitimas ir kilmės problema // Lietuvių arealinės lingvistikos klausimai. V., 1977.

Benveniste, 1971 — Benveniste E. "Etre" et "avoir" dans leurs fonctions linguistiques // Problèmes de linguistique générale. P., 1971.

Damourètte, 1911—1936 — Damourètte J. et Pichon E. Des mots à la pensée. P. 1911—1936, t. V

Dubois, 1964 — Dubois J. La traduction de l'aspect et du temps dans le code français. Le Français Moderne, 1964, n. 1.

Guillaume, 1939, 1973 — G u i l l a u m e G. Théorie des auxiliaires et examens de faits connexes // BSL, 39, 1939, или в кн.: Guillaume G. Langage et science du langage. P., 1973.

Lietuvių, 1971 — Lietuvių kalbos gramatika. V., 1971. T. 2.

Paulauskienė, 1979 — P a u l a u s k i e n ė A. Lietuvių kalbos netiesioginės nuosakos (modus relativus) problema // Kalbotyra. V., 1979. T. 30(1).

Slizienė, 1964 — S l i ž i e n ė V. Sudurtinės veiksmažodžių formos lietuvių literatūrinėje kalboje: Kand. dis. V., 1964.

Stefanini, 1962 — S t e f a n i n i J. La voix pronominale en ancien et en moyen français. Aix-en-Provence, 1962.

Togeby, 1961 — T o g e b y K. Structure immanente de la langue française. Copenhague, 1961.

Wagner, 1962 — W a g n e r R. L. et P i n c h o n J. Grammaire du français classique moderne. P., 1962.

Vendryes, 1937 — V e n d r y e s J. Sur l'emploi de l'auxiliaire "avoir" pour marquer le passé. Mélanges à J. van Ginneken. P., 1937.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Калпукаса
Кафедра французского языка

Вручено
в марте 1986 г.